

Чем больше Фань Сяо понимал, что семья Фань в опасности, тем больше он, как её представитель, не мог позволить себе показать слабость на людях.

Он собрал всю волю, и его крик «Кто хочет мне навредить?» прозвучал с поистине царственным размахом, будто он вопрошал: «Какой дерзкий смертный посмеет посягнуть на императора?».

Увы, Чжан Шигэ, насмотревшийся на чьи-то капризы, остался не впечатлён.

— Добро плати добром, а за зло — возмездием. Молодой господин, вы к этому делу не причастны, потому вам лучше поскорее покинуть дом Фань вместе со мной.

Фань Сяо подозрительно спросил:

— Что ты имеешь в виду? Ты что-то знаешь?

— Давайте сначала уйдём, молодой господин Фань, а там, в другом месте, всё обсудим подробнее? — предложил Чжан Шигэ.

— Сначала скажи, тогда и подумаю, идти с тобой или нет, — упрямо стоял на своём Фань Сяо.

Чжан Шигэ промолчал.

Фань Сяо плюхнулся на землю, начав бунтовать:

— Не скажешь — не сдвинусь с места.

Чжан Шигэ медленно поднялся, отряхнул с одежды травинки, стряхнул с головы осыпавшуюся кирпичную пыль и произнёс:

— Теперь это уже не зависит от вашего желания, молодой господин Фань.

Тем временем в доме Жуань никто не ведал о внезапной беде, свалившейся на дом Фань, и всё ещё разбирался в обстоятельствах, связанных с Фань Мином.

— Ты проник в Павильон Ушоу. Под чьим началом там был? — спросил А Цзю.

— Под началом старейшины Ся, — ответил Фань Мин.

А Цзю по-прежнему лениво прислонялся к стене, не поднимая головы, и играл с собственными пальцами:

— О, Ся Лан... Сказать, что тебе повезло, или не повезло?

Его взгляд скользнул по Фань Мину, но он не стал, подобно Ши Вэню, бездумно бросать фразу «Ты скоро умрёшь», а просто беспечно сменил тему:

— И что Ся Лан на этот раз тебе поручил? Неужто убить меня? Ведь наши отношения нельзя назвать тёплыми.

«Не тёплыми» — это мягко сказано. Кто бы из них ни остался в живых, будет другому как кость в горле.

Взгляд Тан Шаотана снова притянулся к ним.

Людей, у кого с павильонскими старейшинами были «не тёплые» отношения и кто при этом оставался жив-здоров, в Павильоне Ушоу тоже можно было пересчитать по пальцам.

Пожалуй, хватило бы и одного пальца.

А Цзю, бесстыдно игнорируя взгляд Тан Шаотана, продолжал теревить свои длинные изящные пальцы.

Фань Мин поспешно замахал руками:

— Нет-нет! В Нью Лэе, в семье каменотёса у подножья горы Ушоу, я увидел, как вы идёте с моим младшим братом. Я решил, что его принуждают, и в порыве напал, не зная, что вы...

А Цзю с улыбкой кивнул, договорив за него:

— Не знал, что у меня с Павильоном Ушоу вражда, да? Ничего, незнание — не вина. Я, А Цзю, всегда отличался великодушием.

Тан Шаотан: «...»

Цзюй Цзюаньцзюань: «...»

Лишь Фань Мин поверил в эту ахинею А Цзю и честно продолжил:

— Я служил под началом старейшины Ся... то есть Ся Лана, и за три года мне едва удалось завоевать его доверие. Для него я стал полезной пешкой, которую он не спешил разменивать. Но последние месяцы он, кажется, столкнулся с каким-то тупиком, ему срочно требовался подходящий человек для испытания яда, но найти никого не получалось. Он стал необычайно раздражительным. В конце концов он обратил внимание на Сяо. Я испугался, как бы он не причинил тому вреда, и стал втихаря саботировать его планы, параллельно пытаюсь удержать Сяо от безрассудств на стороне. Так я и столкнулся с вами.

Он хотел и помочь дяде Жуань найти сына, и защитить родного младшего брата.

Даже в моменты глубочайшего отчаяния, когда он порой завидовал беззаботной жизни не обременённого грузом обязательств Фань Сяо, он не мог его бросить.

Чего он не стал рассказывать А Цзю и остальным, так это того, что три года назад, едва он проник в Павильон Ушоу, Ся Лан сразу выяснил, что он старший сын семьи Фань, и тогда со смехом сказал: «Приведи-ка сюда и своего братца».

Тогда он дал страшную клятву верности и, рискуя жизнью, сам предложил себя для испытания ядом — лишь бы отвести Ся Лана от мысли заполучить Фань Сяо.

Кто ж знал, что три года назад он выжил после испытания, и теперь Ся Лан уверовал: раз уж брат выжил, то и кровный братец Фань Сяо наверняка станет подходящим материалом.

Фань Мин с горечью вздохнул, сетуя на злую игру судьбы, и выдал ещё одну полезную информацию.

— Перед встречей с вами я пристально следил за передвижениями Ся Лана. Узнал, что в ближайшее время он будет в уезде Ланьпин, а потом услышал, что мой отец готовится принять

важного гостя. Понял, что они наверняка собираются встретиться. Поэтому, когда я выяснил, что господин Ши Вэнь тоже направляется в Ланьпин, то, чтобы дядю Жуань никто не обнаружил, использовал весть о приёме отцом гостя как приманку и на время отвлек дядю.

Он привёл Ши Вэня именно в дом Жуань, потому что знал тайные ходы — только здесь у него был шанс ускользнуть от Ши Вэня.

Дядю Жуань он отвёл в сторону, чтобы тот не столкнулся с неясным в своих намерениях Ши Вэнем. При этом он был уверен: дядя Жуань сдержит слово и будет ждать, пока он раздобудет в Павильоне Ушоу вести о Жуань Лине, и не станет действовать опрометчиво. Пока дядя Жуань не двигается с места, его отец, Фань Цзэчэн, почему-то тоже, кажется, не собирается убивать его, чтобы раз и навсегда покончить с угрозой.

Чего он не учел, так это внезапного возвращения Жуань Чэнцзи в дом Жуань и личного визита А Цзю, главы Павильона Ушоу.

Слушая анализ Фань Мина и узнав, что Ся Лан, весьма вероятно, почётный гость Фань Цзэчэна, А Цзю не выказал ни капли удивления. Он склонился на Фань Мина, взгляд его упал на чёрную железную дверь позади того, и он вдруг спросил:

— Твой отец и твой дядя Жуань наверняка не смогут примириться. Как ты собираешься жить дальше?

Фань Мин твёрдо ответил:

— Жизнь за жизнь. Я готов искупить вину отца.

Он хотел помочь Жуань Чэнцзи найти сына — и как искупление, и как способ исчерпать вражду.

Но теперь, когда Жуань Лин мёртв, у Жуань Чэнцзи не осталось никаких причин прощать.

А он, будучи сыном, не может позволить отцу усугублять вину, но и не может просто смотреть, как тот погибает.

А Цзю фыркнул:

— Хватит считать себя пупом земли. Если бы Жуань Чэнцзи согласился на жизнь за жизнь, разве ты сейчас здесь дышал?

Словно в ответ на его слова, плотно закрытая железная дверь с грохотом распахнулась. В тусклом свете свечей показался старик, тяжело ступая. Голос его был хриплым:

— Мальчишка из семьи Фань, мне твоя жизнь не нужна.

Говорившим был Жуань Чэнцзи, который, по возрасту ещё не старый, выглядел дряхлым стариком.

Бросив эти слова, он не удостоил Фань Мина вниманием, а направился напрямиком к А Цзю.

— Я слышал ваш разговор, молодой человек. У меня к тебе вопрос.

До этого лениво прислонившийся к стене А Цзю вдруг выпрямился и почтительно приготовился слушать.

— Скажи... мой сын... Жуань Лин... он правда... уже умер?

Эта короткая фраза, казалось, вытянула из Жуань Чэнцзи все силы.

А Цзю помолчал, но в конце концов кивнул.

— Примите мои соболезнования.

Жуань Чэнцзи:

— Живым — увидеть, мёртвым — тело. Как... как ты можешь быть уверен...

А Цзю:

— Я видел это своими глазами.

Жуань Чэнцзи: «...»

У Жуань Чэнцзи ещё было много вопросов. Он мог бы расспросить А Цзю о его личности, о деталях.

Он мог бы настаивать, что слова — не доказательство, и отказываться верить каждому сказанному А Цзю слову.

Но взгляд А Цзю, полный сочувствия, вернул его к их первой встрече в родовом храме.

Тогда этот молодой человек, самовольно проникший в храм и бродивший между поминальных табличек, явно пришёл не для того, чтобы оскорбить предков или солгать полуживому старику.

Он пришёл... почтить память.

Жуань Чэнцзи вдохнул полной грудью, словно пробудившись от долгого кошмара.

Его сын, Жуань Лин, должен был погибнуть вскоре после того, как его забрали.

Все эти годы поисков были лишь его собственным самообманом.

Рука, сжимавшая посох, слегка дрогнула. Он с трудом развернулся и изгнал всех из подземелья.

— Мне нужно побыть одному.

...

Раз хозяин сказал, все, включая А Цзю, благоразумно стали по одному удаляться.

На выходе Фань Мин с беспокойством оглянулся пару раз, но в конце концов последовал за остальными.

Снаружи, у храма, Ши Вэнь стоял неподвижно под мягким светом заката, и его взгляд, устремлённый на А Цзю, был полон немого укора.

А Цзю:

— Кхм, ну, что... уже можно двигаться, можно.

Услышав это, Ши Вэнь словно сбросил чары. Он принялся разминать плечи, похрустывать пальцами, явно испытывая зуд в кулаках и желание кого-нибудь ударить.

Но А Цзю бить было нельзя.

Без всякой на то причины он перенёс своё раздражение на всех, кто был рядом с А Цзю, по очереди окинув взглядом Тан Шаотана, Цюй Цзюаньцзюань и Фань Мина. В конце концов, взгляд его, по какой-то странной логике, снова вернулся к самому А Цзю.

Ши Вэнь буркнул с упрёком:

— Долго.

А Цзю поспешил сменить тему, громко объявив:

— Пора есть, пора есть!

Затем обернулся к Цюй Цзюаньцзюань:

— Еда готова?

Цюй Цзюаньцзюань с видом полной безнадёжности: «...»

<http://bllate.org/book/16258/1462823>